
В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу.
М., Современник, 1988
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Часто думаю я о том, какое резкое отличие находится между поэзией первобытных народов и поэзией новых народов, которых религия, цивилизация, просвещение и литература образовались под разными чуждыми влияниями. Представьте себе народ, у которого еще нет ни идеи творчества, ни слова для выражения этой идеи, а есть уже само творчество. Кто открыл ему эту тайну, кто навел его на эту мысль? Одна природа и больше никто. Самое просвещение, в этом случае, дело совершенно постороннее, ибо оно только сообщает поэзии другой характер. И это очень естественно: чем бессознательнее творчество, тем оно глубже и истиннее. Поэт, который творил, не сознавая своего действия, не понимая, что он делает, — он более поэт, нежели тот, который, чувствуя вдохновение, говорит: "Хочу писать". Кто слагал наши народные песни? — Люди, которые даже и не подозревали, что есть поэзия, есть вдохновение, есть поэты, есть литература. Как слагали они свои песни? — Экспромтом, за пиршественною чашею, среди ликующего круга или, всего чаще, в минуты тоски и уныния, когда душа просилась вон и хотела излиться или в слезах, или в звуках. Как смотрели эти гениальные люди на свои произведения? — Как на дело пустое, и, может быть, когда проходили обстоятельства, породившие их песню, когда стихали чувства и уступали полное владычество рассудку, они удивлялись, как пришла им в голову странная мысль заниматься таким вздором, и стыдились своей песни, как стыдится протрезвившийся человек дурного или смешного поступка, сделанного им в пьяном виде. Я часто мечтал об одном создании, идеал которого смутно носился в душе моей и который мне очень хотелось увидеть когда-нибудь осуществленным: мне хотелось прочесть роман или драму, в которой бы содержание было взято из русской жизни, до Петра Великого, и в которой была бы представлена борьба гения с своими порывами, для него непонятными. В самом деле, неужели в этом народе, сознававшем себя несколько столетий и занимавшем такое обширное пространство, не было своих Шекспиров, Шиллеров!.. Итак, представьте себе народ, у которого было поэтическое чувство, но которого условия жизни были совершенно противоположны поэзии жизни; которого религия покровительствовала искусству и требовала от него служения, но который в религии довольствовался одними формами, а искусство сделал ремеслом определенным и положительным, так что гений и посредственность были в нем подведены под уровень; народ, который любил временем и спеть песню, и поплясать вприсядку, но который в то же время и пение, и пляску почитал бесовскою потехою, грехом тяжким; народ, который довольствовался скудною житейскою философиею, лениво наследованною им от праотцев и заключенное в формы пословиц и поговорок; народ, который святое чувство любви почитал дьявольским наваждением, отчитывался от него молитвами, отпрыскивался нашептанныю водою; народ, который женщину — эту поэзию жизни, которую одною бывает жизнь красна, женщину сделал своей рабынею, родом домашнего животного, немного выше коровы или лошади; наконец, народ, который был чужд всякого движения вперед, всякого стремления к совершенствованию, был похож на обледеленную массу воды, по которой тщется скользят бледные лучи зимнего солнца. Теперь, среди этого народа, представьте себе, юношу-гения; какой контраст, какие подробности, сколько красок, какая драма, высокая и ужасная в своей простоте и карикатурности!.. Этот юноша есть единственная опора, единственная надежда престарелой матери. Какой-нибудь добрый монах учит его грамоте, чтоб он мог со временем сделаться писцом в приказе, дьяком или земскою ярыжкою. Это все одно и то же, ибо одинаково прибыльно, а русский народ смотрел всегда на судопроизводство, как на средство жить; наши мужички и теперь еще не шутя говорят: "_Он на то и алистратор, чтоб взятки брать_". Итак, юноше приготавливается блестящая будущность; надо, чтоб он умел воспользоваться ею. Но вот беда: юноша болен странным недугом; ему снятся наяву дивные сны, слышатся чудные звуки, ему хочется и сам он не знает чего; он забывает свое дело и, как одержанный бесом, то плачет, то хохочет, сам не зная отчего. Мать плачет о нем, как о потерянном, взбалмошном, помешанном; добрые люди, говоря о нем, пожимают плечами и набожно произносят: "Господи, спаси нас от лукавого!" Все это очень обыкновенно, но вот что не совсем обыкновенно: он